

Игорь СИЛАНТЬЕВ

Игорь Силантьев родился в 1960 году, живет в Новосибирске. Стихи и проза публиковались в журналах «Звезда», «Сибирские Огни», «Просодия», «Крециатик», «Футурум АРТ», «Квадрига Аполлона», «Двоеточие», «Артикуляция», «Литература», в различных сборниках и альманахах. Автор шести книг стихотворений и короткой прозы. В «Волге» публиковались стихи и проза (2018, 2019, 2021).

СОЗВЕЗДИЕ КОНДУКТОРА

Рассказы

Воспоминания и картошка

Стою у раковины и картошку чищу, а потом как стану вспоминать.

Вот шести лет отроду полез на угольную кучу за кочегаркой, а уголь мягкий, просыпается, под сандаликами крошится, и падаю я ладошками, а потом локтями, а потом коленками, и весь уже свалился в черноту поблескивающую, и чертенком бегу домой, на радость бабушке.

Что было дальше? А ничего не было, потому что беру я половник и по лбу себя. И кончилось воспоминание. Картошку чищу.

А то еще чищу картошку и вспоминаю, как в деревне у деда бежал по дощатым мосткам, а тут дыра, ну, доска прохудилась, а я туда ногой и влетел. И что дальше? А тоже ничего, потому что беру я шумовку и тоже себя по лбу. Кончилось воспоминание.

Картошку чищу.

А то еще вспомню, как села мне на голову птичка, а потом на землю свалилась. А я улыбнулся.

И сейчас с картошкой улыбаюсь. По лбу себя не стучу.

Простите

Каждый зарабатывает, как может. Вот и один человек, он что сделал – лег плашмя, лицом на мертвый асфальт, и положил рядом шапку. И дождь и снег на него падали и людские плевки. А в шапку падали редкие деньги. Хватило или не хватило, не знаю, потому что, как все другие, обошел его стороной. Обошел стороной. И голубь замерзший свалился рядом, а дворник шырнул его метлой на обочину. А в шапке лежит припорошенная бумажка сотенная и пятидесятирублевка еще и пара монеток. Простите.

Плоская земля

Где-то я читал или слышал, что люди рождаются от женщин маленькими такими, но уже вполне готовыми человечками, а потом постепенно вырастают, пропорционально увеличиваясь в размерах. Сам я такого, впрочем, ни разу не видел, поэтому отношусь к этой теории с трезвым сомнением. А также имею на этот счёт альтернативное мнение. Все дело в том, что люди растут от земли и постепенно. Сначала вырастают ступни и ноги, потом туловище, потом руки, плечи и шея, а потом уже голова. А бывает, и довольно часто, что голова не вырастает. Ну помешало что. Как в лесу деревья – тоже ведь не все с верхушками. Или ветер, или снег зимой обломит. И ничего, живут себе. Так и люди безголовые ничего,

живут себе. Множество раз убеждался. А ещё я слышал, что земля плоская, но об этом порассуждаем в следующий раз.

Из Моцарта

К одному человеку пришел в квартиру другой человек и говорит:

– А можно, я у вас тут умру?

– Да пожалуйста, – отвечает один человек, – дело-то житейское.

Тут второй пришел, и третий, и десятый – и всем, представьте, помереть надо.

– Пожалуйста, пожалуйста... – отвечает вежливо один человек.

И множество людей таким образом поумирали в его квартире, так что уже пройти на кухню или в туалет было непросто.

Но одного человека это нисколько не трогало. Он думал о чем-то своем внутри головы, а временами еще приподнимал рубашку и пальцами на ребрах наигрывал какую-то очень знакомую мелодию, кажется, из Моцарта.

И время пришло

За окном проехал грузовик, и зазвенели стекла. Потом на кромку балкона припорхнули воробьи и принялись прыгать туда и сюда. Потом ветерок тронул открытую форточку, и она скрипнула. Потом снова проехал грузовик, и снова прозвенели стекла. А воробьи улетели. Потом открылась входная дверь, и форточку захлопнул сквозняк. Потом зазвенел будильник, потому что время пришло. Потом входная дверь закрылась, и форточка распахнулась. Будильник продолжал звенеть, и чья-то рука пошарила и ненароком столкнула его со стола. В это время за окном снова проехал грузовик, и задребезжали стекла. А будильник перестал звенеть, потому что его время пришло. Потом на балкон снова прилетели воробьи, чтобы попрыгать туда и сюда, и снова распахнулась входная дверь, а сквозняк захлопнул форточку. Потом чья-то нога поискала на полу тапочек, но не нашла его, зато задела будильник, и тот зазвенел. Потому что пришло время. А за окном проехал грузовик, ну и снова эти стекла. Входная дверь с треском захлопнулась, и форточка приоткрылась и скрипнула. Чья-то рука нашарила на полу будильник и поставила его на стол. Будильник перестал звенеть, но задрожали стекла, потому что за окном проехал грузовик. И время пришло. И чья-то нога и чья-то рука. Ах да, а на балконе воробьи танцевали танго.

Утреннее

Утром дворник Иван Иванович Иванов, смуглый и поседевший уже мужик, невысокий и грузный, и передние зубы не все, грохотно выкатывает на площадку перед подъездом мусорный бак, садится на лавочку и с затертой бумажки читает по слогам буддийскую мантру, ну которая «Ом мани падме хум». И читает ее довольно долго, пока с небес не спускается инопланетная тарелка, на днище которой сияет портрет Иосифа Виссарионовича Сталина в орденах и звездах, а вокруг его сталинской морды порхают в крылышках личики членов политбюро различных исторических и доисторических эпох. Один член даже из Фанерозоя. А из тарелки на весь квартал звучит: «Ол ви ниид иизз лаав! Трам-пара-па-памм!» Тарелка засасывает в себя мусорный бак, опустошает его и возвращает пустым Ивану Ивановичу Иванову. А потом с песней улетает, и Сталин любовно глядит на Ивана Ивановича Иванова и все уменьшается и уменьшается по мере отлетания тарелки. В это время к подъезду подходит пахнувший булочками курьер из Яндекс-еды. Да он

и сам булочка, самоходная. Знаете, в последнее время стали делать таких съедобных курьеров из сдобного теста, румяных, а внутри изюм или цукаты. Заказываешь такого и съедаешь. Лучше компанией, чтобы сразу, а то засохнет. Тут к подъезду подпрыгивает похмельная ворона, какая-то вся неухоженная, небритая, и кричит: «Ну просто верлибр какой-то!» – и склевывает сдобного курьера, а заодно и дворника Ивана Ивановича Иванова. И где она таких слов набралась?

И так каждое утро.

Туда и сюда

Меня все больше и больше раздражали секунды. Я уже не мог их вообще терпеть, и поэтому выдернул секундные стрелки из своих часов. И у соседей, и у друзей, и у прохожих на улице, короче, у всех взял и выдернул из часов эти секундные стрелки. И успокоился.

Но потом меня стали дико раздражать минуты. И поэтому с минутными стрелками я проделал то же самое. Практически во всех часах, что вокруг. И мне снова стало хорошо.

Но не прошло и... В общем, меня просто взбесили сами часы, ну те, которых в сутках по двадцать четыре. Подумаешь! И я повырывал из всех часов во всем мире последние, часовые, стрелки, и лег на землю, тяжело дыша.

А мир вокруг не знал, что делать. Часы продолжали тикать, но время не понимало, куда ему идти, то ли вперед, то ли назад. Мне было приятно видеть его замешательство, поэтому я лёг и улыбнулся шире земли.

А солнце показывало на меня пальцем и качалось маятником на своём небе туда и сюда.

Шляпа и гвоздик

Один человек всю жизнь прожил, а все не мог собраться прибить в коридоре гвоздик, чтобы на него шляпу вешать. Как приходит домой, так снимает эту свою шляпу с головы и крутит ее в руках и говорит себе: – Вот бы надо бы гвоздик прибить... – а потом кладет эту шляпу куда попало, ну и все. И так изо дня в день и всегда.

А однажды один человек, вернувшись домой, снова проговорил это свое с гвоздиком и шляпой, и снова положил ее куда попало и...

И что-то торкнуло его, и полез он в кладовку, и достал молоток и гвоздик, и вбил его в стену, оставив немного, сантиметра два, для шляпы, и повесил ее.

Повесил шляпу на гвоздик.

Тут бы уже радоваться одному человеку наступившей гармонии жизни. Вместе с нами.

Только на следующий день умер он.

Зато шляпа осталась на гвоздике висеть.

Что естественно, то не безобразно

В связи со сложной обстановкой по Красной площади ходят пограничники с винтовками. Туда, обратно и вокруг. И в составе наряда еще передвигается пограничная собака, огромная, в человеческий рост овчарка, и ко всему принохивается. И как принохивается к встречному гражданину, так тот разом все плохое, что в карманах, или за пазухой, или за душой держит, сразу все выкладывает. И с облегчением гражданину становится лучше. И обстановка объективно улучшается.

Одна проблема – пограничные собаки такие вот кучи на площади наворачивают, что обстановка снова ухудшается. И немногие туристы из Евросоюза, позажимав носы, окончательно разбегаются.

Тут сержант-пограничник выстреливает сигнальной ракетницей, и из служебной башни выбегает команда солдат в длиннополых верблюжьих шинелях и с совковыми лопатами, и закидывает содержимое в подъехавший камаз.

А Ленин, принявшись, кричит из Мавзолея:

– Что естественно, то не безобразно! Что естественно, то не безобразно!

Такая обстановка.

Товарищи

Мужик один гулял по городу и с заходами на природу. А тут бомжик мимо ковылял с тележкой, набитой всячиной.

– Да кто ж ты такой? – спросил его мужик.

– Товарищ твой, – прорычал бомж.

Мужик показал ему кулак, и пошел себе дальше, и о камень запнулся, а из-под камня мышка выбежала и приготовилась удирать.

– Да кто ж ты такая? – и ее спросил мужик.

– Товарищ твой, – ровно такое же пропищала мышка.

Мужик топнул на нее ногой и дальше было поперся, только развернулся и на камень воззрился, о который запнулся.

– Ну а ты кто ж такой? – спросил и его мужик.

И видно было, что камню непросто слово сказать, так он нагрелся и затрещал и наконец:

– Товарищ твой, – выдал.

А мужик вот как пнет его – и усвистал камень на обочину.

После зашел мужик на природу и прилег на травку, и насмешливо в сторону и промолвил:

– Товарищи, тудыть! – и почесал себе живот.

Услышали

Один человек проснулся утром и вспомнил, что сегодня Пасха, и сказал:

– Христос воскрес!

И отправился один человек умыться, но из крана вытекла тухлая вода, невыносимая на вкус и запах, и отшатнулся он от крана и не умылся.

Один человек кивнул головой и снова промолвил:

– Христос воскрес!

И открыл холодильник, чтобы насытиться, но только отшатнулся, потому что на него вывалилось много гнилой еды, невыносимой на вкус и запах.

Один человек едва облачился, потому что одежда его оказалась трухлявой и рвалась от прикосновения рук его, и выбежал из квартиры, и не рассчитал и свалился в лестничный пролёт, и разбился, и едва живой и уже почти мертвый воскликнул:

– Христос воскрес!

Тело его тлело и распадалось на глазах, и было невыносимо созерцать его, поэтому мы отвернулись. А один человек, по всей видимости, окончательно умер и, наверное, не услышал, как ангелы с неба пропели:

– Воистину воскрес!

Нет

Один человек встретил другого и крикнул:

– Тебя нет! – и для убедительности кинул в него ботинок.

Но и тот, не будь дураком, ответно бросил в первого ботинок и тоже прокричал, что этого нет.

Тут появился третий и заявил, что тех двух нет обоих, и логично зашвырнул в них по ботинку, за что ожидаемо получил в ответ оба два.

И четвёртый подошёл, и пятый, и семидесятый, и вот все они орут, что их нет, и куча ботинок летает в окружающей среде.

А я, несчастный автор, Богом сотканный из света, гляжу на них, гляжу, а их нет.

Одно и то же

Один человек умер и обнаружил, что на том свете все то же самое. То же небо и та же земля, те же пыльные улицы и кривые дворы, и тот же дворник метёт их. Той же метлой. И в том же магазине та же водка.

– Вот блин! – рассуждал один человек, приняв из горла той же водки, – зачем умирал-то?

Ворона на балконе

Один человек забыл, где у него сердце. Трогал себя там, ощупывал здесь – и все не мог понять. Ну, стучит что-то где-то, однако мало ли что у кого и где стучит. Может, это сосед стучит. Или часы на столе. Или ворона на балконе клювом долбит.

– А брошусь-ка я из окна, – решил один человек. – Сердцу наверняка станет больно, и я узнаю, где оно у меня.

Так, собственно, и вышло. Умирая разбитым на земле, один человек счастливо улыбался, держась рукой за свое сердце.

Подошва

Один человек шел себе и шел, а потом поменялся на выбежавшую из подворотни собаку. И бежал дальше собакой и бежал, а потом поменялся на упавший лист древесный, что ветер принес. И катился дальше кубарем по асфальту и катился, а потом наступил на этот лист ботинок чей-то со стертой подошвой, и поменялся один человек уже на подошву.

– Вот и нашел себя один человек.

Это я за него сказал, потому что куда ему теперь говорить, подошве.

Зато живой

Одного человека никто не любил. Он уже привык к этому, но все же изредка его посещали немного странные мысли.

– Вот бы меня полюбила ночь! – мечтал один человек. И тщательно вымазал лицо сажей, чтобы стать похожим на ночь, а после бродил и бродил по улицам, пока весь город спал. Однако ночь вплоть до рассвета легкомысленно засматривалась на месяц и не замечала одного человека. И хорошо, а то стал бы он просто тенью.

Тогда один человек решил стать похожим на солнце и вымазал лицо яичными желтками, а после бродил и бродил по улицам, пока весь город работал. Но солнце вплоть до заката легкомысленно ссорилось с облаками и не замечало одного человека. И тоже хорошо, а то сгорел бы он тростинкой.

Тогда один человек вымазал лицо грязью, которую собрал с колес грузовика, стоявшего во дворе.

– Пусть меня полюбит земля, – решил он.

Один человек разулся и босыми ногами пошел по земле, и черви заволновались и высунулись из нор в предвкушении пира. Однако полил дождь и смыл грязь с лица одного человека, и черви поняли свою ошибку и разочарованно залезли обратно. И земля не приняла одного человека.

Так и не полюбил его никто. Зато живой остался.

В самом деле

Один человек проснулся утром и вместо того, чтобы продолжать жить свою обычную жизнь, схватил палку и стал колотить себя по спине и икрам и бегать, и снова колотить себя, и снова бегать и туда и сюда, и кругами и восьмерками, как будто хотел убежать от самого себя, но ничего не получалось, и рука с палкой снова настигала одного человека и колотила и колотила.

И мы наблюдали за ним, затаив дыхание, в полном непонимании, чем все это закончится, но это ничем не заканчивалось и один человек все бегал сам от себя кругами и восьмерками и колотил себя палкой, и уже всем надоел, да и дыхание уже закончилось, так что мы с шумом вдохнули и пошли жить свою обычную жизнь.

В самом деле.

Посвежело

Один человек жил себе довольно обычно, пока в его квартиру через открытую форточку не залетел комар, тоже довольно обычный. И этот комар сел на лоб одному человеку и изготовился его кусать. Один человек, понятно, хлопнул себя по лбу, но комара не убил. А комар тот, полетав и позудев, снова сел на лоб одному человеку, и последний наградил себя на этот раз ударом уже кулака, и снова безрезультатно. И в третий раз он же комар, накружившись по квартире, присел на лоб одному человеку, а тот поджидал уже насекомое с палкой. И выждав, покуда комар вопьется кровоохотливо в кожу лба, один человек со всей своей разъяренной силой обрушил на крылатую мелочь палку и успешно убил его, но и сам при этом отдал концы. После этого наступила ночь, и через открытую форточку в квартиру задул ветерок. Посвежело.

Созвездие кондуктора

Я шёл по улице и чего-нибудь хотел. А мимо проезжал трамвай.

– Да! – сказал я себе и сел в трамвай.

И подходит кондуктор и спрашивает:

– А у тебя разрешение есть?

– Нет у меня разрешения, – отвечаю.

Кондуктор смерил меня взглядом и сказал:

– Подожди.

И достал из нагрудного кармана форменной одежды бумажку и что-то написал в ней. Получилось неровно, потому что трамвай бросало в стороны.

– Вот тебе разрешение, – сказал кондуктор.

Я посмотрел в бумажку и ничего не разобрал, потому что буквы были кривыми и наезжали друг на друга. Трамвай снова бросило.

– Разрешение на что? – спросил я.

– По предъявлению разрешения тебе разрешается смотреть по ночам на звездное небо.

– А кому предъявлять? – спросил я.

– Мне, – ответил кондуктор.

И я предъявил ему разрешение и вышел из трамвая и посмотрел на небо, потому что была ночь.

И по небу вдоль Млечного пути плыл кондуктор. Он был составлен из звёзд, с откинутой левой ногой и протянутой правой рукой.